

Но жертва их в любом случае не оказалась напрасной. Расстроенные красновардейские отряды поспешили отойти в Сады и на долгое время от активных действий отказались. Армия избежала энергичного преследования, которое, весьма вероятно, в несколько часов решило бы её судьбу.

К вечеру остатки бригады Эрдели, никем не преследуемые, стали отходить в северо-западном направлении⁴⁵⁵.

6.13. Андреевская. Колония Гначбау

К полудню 1(14) апреля колонна, состоявшая из строевых частей, подходила уже к станице Андреевской. В голове шёл Офицерский полк, пострадавший меньше остальных. В арьергарде – остатки 2-й бригады Богаевского.

⁴⁵⁵ Принято считать, что конница Эрдели, пожертвовав собой, спасла Армию от флангового удара, который неизбежно привёл бы к её уничтожению. Вот слова Александра: «В то время, когда части пехоты были ещё далеко, как бы на дне образовавшегося мешка, в котором очутилась Армия, и оставшийся узкий выход с минуты на минуту мог затянуться, – на конницу выпала задача оттеснить большевиков и дать возможность Армии выйти из давившего её окружения...

Конница исполнила повеление своего нового Командующего...

Готовое зажаться кольцо разжалось. Армия была спасена».

Но к утру, тем более, ближе к полудню, 1(14) апреля, когда Эрдели повёл свою бригаду в атаку, Армия удалилась от Екатеринодара на 25-30 километров и подходила уже к станице Андреевской. Ни о каком окружении и мешке, на дне которого застряли, якобы, пехотные части, не могло быть и речи. При определённом стечении обстоятельств большевики, пропусти их конница, могли перехватить лишь хвост растянувшегося от Елизаветинской обоза.

Дату и время атаки (первая половина дня 1(14) апреля) называют вполне определённо как Павлов, так и непосредственный её участник полковник В. Черешнев (Вестник первопоходника №8 за 1962 год). Более того, Павлов прямо говорит, что слышавшиеся справа звуки боя, «где конная бригада, жертвуя собой, сдерживала красных, стремившихся от Екатеринодара пересечь путь Армии», доносились до колонны Офицерского полка, когда он отошёл уже от города на 25-30 километров.

Справедливости ради, следует отметить, что сам Александров, а вслед за ним и Какурин, утверждают, что атака была произведена 31 марта (13 апреля), но, думается, они сознательно сдвигают события на день ранее, именно для того, чтобы подтвердить красивую легенду о спасении зажатой в полуокружении Армии пожертвовавшей собой Конной бригадой.

Будь это так, многочисленные эмигрантские источники вряд ли уделили столь значимому эпизоду в лучшем случае по две-три строчки.

Вопрос, впрочем, остаётся открытым.

Неожиданно впереди послышалась стрельба, а вскоре от передовых разъездов пришло сообщение, что цепи красногвардейцев наступают от станицы. Их удар был нацелен на пересечение дорог во фланг растянувшейся колонны.

Марков, вновь оказавшийся в своей стихии⁴⁵⁶, развернул в боевой порядок роты и, став во главе их, устремился навстречу большевикам. Вероятно, местная Красная гвардия ожидала увидеть перед собой случайный отряд либо расстроенные остатки деморализованного противника. Нарвавшись на сохранившую боеспособность офицерскую часть, красногвардейцы, не принимая боя, побежали. Но не в станицу, а в сторону от дороги, где преследование казалось им менее вероятным.

Однако чуть сзади Офицерского полка и параллельно ему шла приткнувшаяся к колонне черкесская конница. Завидев в панике отходивших прямо на них большевиков, кавказские всадники устремились в атаку. Началась рубка почти не сопротивлявшегося уже противника. Часть красногвардейцев подалась назад, и была мгновенно переколота преследовавшими их от дороги «марковцами». Мало кому удалось пробиться и уйти. Видно было, как на холмах направлявшиеся к месту недолгого боя подводы с подкреплением в спешке разворачивались и спешили уйти из поля зрения. Станица была занята без боя. Защитники её бежали, либо попрятались по домам.

Этот неожиданный успех, не имевший решающего тактического значения, пришёлся как нельзя кстати и явился ключевым *моральным* фактором развития дальнейших событий. Добровольцы, павшие было духом, словно встряхнулись. Они обнаружили вдруг, что и после Екатеринодара могут ещё сокрушать превосходящего противника и добиваться успеха. *К людям, пусть и не ко всем ещё, начинала возвращаться утраченная вера в себя и своё оружие.*

Повеселевший Марков шёл впереди. За ним сдвоенными рядами с совершенно иным настроением выходил из станицы подтянувшийся, прибодрившийся полк. Вновь слышались раз-

⁴⁵⁶ «Этот удивительный генерал, – писал позже полковник Биркин, – не только ничего не боялся, но своей повадкой в бою так влиял на своих, что у них пропадал страх».

говоры. Среди молодёжи раздавался даже и смех. Вдруг Марков обернулся и крикнул на ходу:

– Песню!

Молодые прапорщики выводили набирающими силу головами знакомые слова. И офицеры-фронтовики подхватывали, словно боясь потерять боевой задор. Почти как прежде. Жизнь продолжалась, и в ней было потеряно ещё далеко не всё...

Прошло всё же некоторое время, пока полк вернулся на дорогу. Теперь он оказался уже в хвосте прошедшей вперёд колонны. Здесь к нему присоединились пеший взвод и два орудия 1-й батареи. Обоз подходил к Андреевской, и после разгрома местных красногвардейцев ему ничего уже не угрожало.

К вечеру 1-я бригада достигла хуторов, разбросанных вдоль реки Поньри, где и остановилась на непродолжительный отдых. Во второй половине дня Армия стала втягиваться в немецкие колонии на восточном берегу реки и располагаться на ночлег. К полуночи туда же подошёл и Офицерский полк.

Самая большая колония из 12 дворов именовалась Гначбау⁴⁵⁷. Вместить дома колонистов могли лишь незначительную часть добровольцев. Большинство ночевали под открытым небом. Полк частью сил занял колонию, а остальные расположились на юго-восточной её окраине, прикрыв тракт на Нововеличковскую и далее на Екатеринодар. 1-я инженерная рота оставалась в колонке⁴⁵⁸ Ернахбау.

Ночь прошла спокойно. Армию никто не побеспокоил.

С утра 2(15) апреля в Офицерском полку был произведён подсчёт личного состава. Итоги оказались неутешительными. Из 750 добровольцев, переправившихся через Кубань, в Гначбау оставались в строю не более 400. В боях за Екатеринодар 80 человек были убиты, 70 пропали без вести, и до 200 получили ранения различной степени тяжести. В 1-й и 3-й роте оставалось по 90-100 штыков, во 2-й⁴⁵⁹, 4-й, 5-й и 6-й приблизительно

⁴⁵⁷ В другой транскрипции – Гнаденау. Ныне поселение Найдорф.

⁴⁵⁸ Колония незначительного размера.

⁴⁵⁹ 2-я рота понесла по сравнению с остальными наибольшие потери. В числе других были убиты командир роты полковник Лаврентьев и его заместитель полковник Зудилин.

по 40, в 5-й – 50. В 1-й инженерной роте насчитывалось до 80 добровольцев.

Боевой состав Армии сократился вдвое, с 6000 до 3000 штыков и сабель. Вследствие этого была проведена некоторая реорганизация. В частности, в Офицерском полку 5-я и 6-я роты были сведены в одну – 5-ю. Роты в зависимости от понесённых потерь были рассчитаны на 2-3 взвода. В каждой оставлено от двух до четырёх пулемётов.

Во всех батареях оставалось не более 40 снарядов. Вследствие этого было принято решение из 10 орудий оставить лишь 5, а остальные испортить⁴⁶⁰. 4-х орудийные 1-я и 2-я батареи вновь становились 2-х орудийными, при Конной бригаде оставлено одно⁴⁶¹. При батареях оставалось лишь необходимое число прислуги. Все «лишние» конные прикомандировывались к командам связи, пешие были сведены в отдельную роту, получившую наименование «Артиллерийской». В её составе набралось до 50 штыков.

Штаб Армии отдал также распоряжение до предела сократить обоз. Эта задача была возложена на генерала Маркова, который действовал со всей строгостью. Как раненых, так и беженцев на подводах по возможности уплотнили. Весь ненужный груз сброшен под колёса. В результате обоз уменьшился на 200 подвод, что в создавшихся условиях было немаловажным фактором. Сократили и количество подвод в строевых частях. На каждые 100 человек были оставлены по две телеги.

Деникин, которому удалось осуществить, казалось, невозможное – *уйти*, уже куда увереннее разрабатывал стратегию дальнейших действий. Командующий предполагал отойти в

⁴⁶⁰ Орудия вскоре повредили, как могли, и утопили в первой попавшейся на марше речке.

⁴⁶¹ В 1-й батарее 1-е орудие составили орудие и зарядный ящик штабс-капитана Шперлинга. 2-е орудие составили номера 3-го и 4-го орудий и ящик капитана Сапезко. Бывшее 2-е орудие было испорчено и брошено, а 3-е есаула Золотаренко пошло в Конную бригаду. Судьба его тоже оказалась незавидной. В ночь на 3(16) апреля конница была обстреляна противником на железнодорожном мосту. Часть орудийных лошадей – ранена или убита. Эрдели приказал орудие бросить. Артиллеристы сняли замок и панораму, а сами присоединились к штабу бригады.

район, где сходились границы трёх территорий: Дона, Кубани и Ставрополя. И в зависимости от ситуации планировать последующие операции. Для начала нужно было как можно скорее вырваться из треугольника железных дорог, внутри которого очутилась отошедшая от Екатеринодара Армия. Деникин предполагал пересечь Черноморскую ветку у станицы Медведовской и выступить с таким расчётом, чтобы подойти к полотну глубокой ночью, а до того отсидеться в колониях.

Добровольцы после ночного марша получили возможность отдохнуть и привести в порядок оружие и обмундирование. Но одновременно люди могли оглядеться и, наконец, задуматься о том незавидном положении, в котором они очутились. Вся Армия вместе с обозом скучилась в колониях вдоль правого берега реки Поныри. Контролируемая территория ограничивалась разъездами, маячившими у дальних холмов. Две крупные станицы, Старовеличковская к северу и Нововеличковская к югу, были прочно заняты противником. В любой момент из Екатеринодара могли быть переброшены по железной дороге многие тысячи красногвардейцев. На казаков рассчитывать не приходилось. Из нескольких сотен мобилизованных в строю остались единицы, остальные постепенно расходились по домам. Боеприпасов в Армии оставалось в лучшем случае на час серьёзного боя. И главное, Корнилов, с которым связывались все чаяния и надежды, прикрытый буркой лежал мёртвым рядом с Неженцевым.

Ситуация складывалась отчаянная. Неудивительно, что даже и в строевых частях наиболее трезвомыслящие обсуждали меры, которые могли бы спасти их жизни. На свет появлялись документы, снятые «про запас» с убитых в предыдущих боях красногвардейцев. Некоторые открыто говорили, что пора спарывать погоны и снимать кокарды. Впрочем, большинство намеревались несмотря ни на что сражаться до конца. И их молчаливый укор действовал отрезвляюще на более слабых духом товарищей. К тому же все понимали, что в погонах или без, рассеявшись поодиночке в незнакомой местности с преобладанием иногороднего населения, спастись не удастся.

Всё же некоторые уходили, и в частности, группа генерала Гилленшмидта. Судьба их неизвестна. Возможно, единицы и спаслись, но большая часть покинувших Армию, вне всякого сомнения, нашли свою смерть в первом же поселении.

В 4-ю роту забежал Марков.

– Садитесь. Ложитесь, – жестом успокоил он вскочивших офицеров. – Я хочу минутку отдохнуть у вас.

Завязался разговор, который сводился всё к тому же. Марков легко и не задумываясь отвечал на вопросы. По его мнению, положение было не таким уж безнадежным. Выход найдётся, и Армия выберется. Сказал ещё, что на Офицерский полк он лично надеется, и к месту и не к месту стал шутить. Кто-то осмелился спросить о дезертирах, оставляющих Армию.

– Чёрт с ними, – коротко отрезал генерал и ушёл в штаб.

Также обходил роту за ротой и командир полка генерал Боровский. Зашёл в бывшую свою 3-ю роту и полковник Кутепов. Оба они, как могли, старались поддерживать в добровольцах боевой дух и веру в ближайшие перспективы. Настроение в полку постепенно улучшалось.

Но отсидеться до темноты не удалось. В 10 часов утра небольшой отряд красногвардейцев подошёл от оставленной накануне Андреевской и обстрелял колонии. Он был встречен сотней штыков Корниловского полка, частично изрублен и отогнан конницей. Однако этой незначительной стычкой дело не ограничилось. Вскоре перестрелка завязалась к югу от расположения Армии. На этот раз большевики куда большими силами наступали от Нововеличковской.

Под их напором конные разъезды охранения стали отходить. По тревоге был поднят Офицерский полк. Роты выдвинулись навстречу и, рассыпавшись в цепь, залегли. Красногвардейцы также остановились, обстреливая с дальней дистанции добровольцев. Полк не отвечал, у бойцов оставалось по 3-5 обойм, и это были последние патроны.

К полудню к большевикам подтянулись два орудия и, став на позицию, открыли огонь по Гначбау. С 14 часов по колонии стреляло уже 4 орудия, позже – ещё больше. Вскоре снаряды на-

чали ложиться и вдоль офицерских цепей. Добровольческие батареи молчали. Рассчитывать прорваться через линию железной дороги, не имея в запасе ни одного снаряда, было невозможно.

С позиций Офицерского полка было хорошо видно, как к красногвардейцам подходили подкрепления. Их линия всё удлинялась. Наконец, большевики пошли в атаку. Добровольцы подпустили их и, обстреляв с короткой дистанции, бросились в штыки. Красногвардейцы, не приняв боя, тут же отступили, и в дальнейшем наступательных действий не предпринимали.

К вечеру, когда начало уже темнеть и обстрел прекратился, на левый фланг полка вышла из Гначбау его 4-я рота. Впрочем, от одного из разъездов пришло сообщение, что красногвардейцы митингуют. В ночи можно даже было разобрать, как отдельные ораторы предлагали не атаковать ночью, так как «кадеты всё равно никуда не денутся». Судя по всему, к этому же склонялись и остальные. На этом бой под Гначбау завершился.

Однако артиллерийский обстрел колонии едва не привёл к катастрофическим последствиям. Первые же гранаты, разорвавшиеся вблизи домов, вызвали самую настоящую панику в обозе, которая мгновенно распространилась вокруг.

Показалось, что обстрел является началом конца, и что в скором времени в Гначбау ворвутся победители. Никто уже не рассуждал, надо ли срывать знаки отличий. Погоны раненые просто спарывали. Многие кинулись к жителям колонии в надежде приобрести гражданское платье. Подводы и телеги пытались выехать в степь, но на узком пространстве цеплялись друг за друга, застревая намертво и усиливая сумятицу. А снаряды всё падали и падали один за другим, накрывая разрывами людей и дома...

Дело принимало весьма серьёзный оборот. Самые нелепые слухи носились в воздухе. И многие жадно воспринимали их, и легко верили всему, так как на карту были поставлены их жизни. В течение нескольких часов до самого вечера в штаб Армии поступали донесения одно тревожнее другого. Сообщалось, в частности, что один из конных полков *решил* прорываться самостоятельно, что организуются конные партии, уже готовые распылиться.

Во второй половине дня к Деникину прибыл заметно смущённый адъютант Алексеева ротмистр Шапрон и доложил о том, что, якобы, два полка решили спастись, выдав большевикам при посредничестве Баткина высших начальников и армейскую казну⁴⁶², и что для охраны генерала Алексеева уже прибыл самовольно собравшийся офицерский эскадрон⁴⁶³.

Едва Деникин отпустил ротмистра, к нему один за другим стали прорываться беженцы из чиновников разных степеней и званий. Требование у всех было одно: поставить их подводу в голове обоза. Следует признать, при Корнилове подобное было вряд ли возможно.

При всём желании Командующий не мог удовлетворить их требований. Не мог также и оставить находящиеся под обстрелом поселения. Выступить до темноты означало раскрыть перед противником планы дальнейшего движения. Приходилось только лишь ожидать, когда начнут сгущаться сумерки.

Оставалось и ещё одно дело, которое не терпело дальнейших отлагательств. Тела Корнилова и Неженцева в сосновых гробах тайно вывезли в укрытое рельефом от случайного взгляда место и предали земле.

«Лишь несколько человек конвоя, – пишет Деникин, – присутствовало при опускании гроба. И вместо похоронного салюта верных войск, почившего командующего провожал в могилу

⁴⁶² Насколько всё это соответствовало действительности, судить трудно. Думается, дальше разговоров потерявших самообладание людей дело не продвинулось. Но о том же самом говорит и Д.Е. Скобцов, который, по сути, определяет один из источников возникновения подобных слухов. Вот что он пишет: «После полудня ко мне пришёл... один из адъютантов И. Макаренко... отозвал меня в сторону и таинственно предупредил:

– Нужно смотреть в оба теперь... Нынче ночью решается наша судьба. Вскочим – наша взяла. Нет, – погибли или... спасайся, кто может...

В заключение он передал приглашение от своего шефа Ив.Л. Макаренко вместе с ними и правительством Юго-Восточного Союза присоединиться к Черкесскому полку...

...Это было уже серьёзным показанием, какое зыбкое состояние духа в отряде».

⁴⁶³ Сам Деникин никаких мер не принял, он лишь позже предложил Бычу, чтобы Кубанская Рада на ночном переходе находилась рядом со штабом. Но едва подобные слухи достигли штаба 1-й бригады, полковник Тимановский по своей инициативе передвинул одну из рот Офицерского полка ближе к штабу Армии.

гром вражеских орудий, обстреливавших колонию. Растерянность и страх, чтобы не обнаружить присутствием старших чинов места упокоения, были так велики, что начальник конвоя доложил мне о погребении только после его окончания. И я стороной, незаметно прошел мимо, чтобы бросить прощальный взгляд на могилу...»

Тела были захоронены за околицей поселения на пахотной земле. Могилы потом заровняли, чтобы скрыть все признаки их наличия. Наскоро были сняты кроки, определяющие место захоронения, розданные для хранения трём разным лицам.

Однако успокоения погибшие не обрели. Всё дальнейшее описывает в своих воспоминаниях Деникин:

«В тот же день (2-го апреля), – говорится в описании Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, – Добровольческая армия оставила колонию Гначбау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшестве разъездов Темрюкского полка. Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности». При этих розысках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать оставшаяся в Гначбау по нездоровью сестра милосердия Добровольческой армии, которая, по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу⁴⁶⁴, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом повезли в Екатеринодар...

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарёв, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами; ругали генерала Корнилова. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы

⁴⁶⁴ По занятию в августе Добровольческой армией колонии Гначбау тело подполковника Неженцева было вырыто, перевезено в Новочеркасск и там захоронено с воинскими почестями на городском кладбище.

вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель. Один из представителей советской власти Золотарёв появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привёз тело Корнилова; но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарёва честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезён не отрядом Золотарёва, а Темрюкцами. Появились фотографы; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но верёвка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела...

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях...

В один день не удалось докончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растапывали ногами и потом опять жгли⁴⁶⁵».

Борьба генерала Корнилова, как и жизнь его, отданная этой борьбе, были окончены...

6.14. Медведовская. Подвиг генерала Маркова. Прорыв

Уже перед закатом Деникин отдал приказ выступить. Обстрел колонии почти прекратился. В опустившейся темноте точный прицел взять было затруднительно, и последние сна-

⁴⁶⁵ Пепел потом забили в ствол орудия и, выстрелив в сторону Кубани, развеяли его над рекой. Вся эта неприглядная история не афишировалась, но и совершенно не скрывалась советскими источниками, что заставляет не сомневаться в её достоверности.

И это тот случай, когда комментарии не только излишни, но и недопустимы. К сказанному Деникиным ничего не прибавить и не убавить. И каждый вправе и обязан определить своё отношение к происшедшему сам.